

П.А. Столыпин: прерванные реформы

С.А. Степанов, М.Н. Мосейкина, Е.А. Иванова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Председатель Совета министров Российской империи Петр Аркадьевич Столыпин говорил: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Для одних он был «вешателем», для других – выдающимся реформатором. Столыпин хорошо понимал, что одними репрессиями невозможно остановить революционное движение. Его реформы были призваны уменьшить социальное напряжение внутри страны, направить энергию людей в созидательное русло. Именно это было главной задачей столыпинской аграрной реформы. Составной частью реформ была переселенческая политика, нацеленная на освоение огромных богатых ресурсами пространств Сибири и Дальнего Востока. К сожалению, реформы Столыпина были прерваны террористическим актом, унесшим жизнь выдающегося реформатора. Первая мировая война, две революции и Гражданская война не дали России столь необходимого для ее развития покоя. Однако реформы Столыпина до сих пор остаются примером для подражания.

Ключевые слова: политика; Россия; Столыпин; политический террор; аграрная реформа; переселенческая политика

Для цитирования: Степанов С.А., Мосейкина М.Н., Иванова Е.А. П.А. Столыпин: прерванные реформы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):138-145. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-138-145

ORIGINAL PAPER

P.A. Stolypin: Interrupted Reforms

S.A. Stepanov, M.N. Moseykina, E.A. Ivanova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Chairman of the Council of Ministers of the Russian Empire Pyotr Arkadyevich Stolypin said: "Give the state 20 years of peace, internal and external, and you will not recognize today's Russia." To some, he was a "hangman," to others, an outstanding reformer. Stolypin understood well that repression alone could not stop the revolutionary movement. His reforms were intended to reduce social tension within the country and channel people's energy into creative outlets. This was the main goal of Stolypin's agrarian reform. An integral part of the reforms was a resettlement policy aimed at developing the vast, resource-rich expanses of Siberia and the Far East. Unfortunately, Stolypin's reforms were interrupted by a terrorist attack that took the life of the outstanding reformer. World War I, two revolutions, and the Civil War did not give Russia the peace so necessary for its development. However, Stolypin's reforms remain a model to follow.

Keywords: politics; Russia; Stolypin; political terror; agrarian reform; resettlement policy

For citation: Stepanov S.A., Moseykina M.N., Ivanova E.A. P.A. Stolypin: Interrupted reforms. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):138-145. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-138-145

ВВЕДЕНИЕ

В 1909 г. в интервью саратовской газете «Волга» председатель Совета министров Российской империи Петр Аркадьевич Столыпин предрек: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Какие имелись основания дать столь смелый прогноз? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сказать несколько слов о самом П.А. Столыпине. Он принадлежал

к дворянскому роду, чьи корни уходили в XVI век. Длинный ряд его предков служил России на военном, административном и дипломатическом поприще. Его мать, урожденная княжна Горчакова, была дочерью наместника Польши и племянницей знаменитого дипломата, канцлера А.М. Горчакова. Петр Столыпин получил хорошее домашнее образование, свободно владел четырьмя языками, много читал, кстати, те же самые книги в библиотеке подмосковной усадьбы

Середниково, которые когда-то листал его троюродный брат — поэт Михаил Лермонтов. Именно брат, хотя они жили в разные эпохи, — таково удивительное переплетение генеалогических линий.

Закончив гимназию, Петр Столыпин выбрал необычный для аристократа естественный факультет Петербургского университета. Он рано женился на Ольге Нейдгардт, праправнучке генералиссимуса А.В. Суворова. Для того времени студенческий брак был явлением редчайшим, и на Петра Столыпина показывали товарищи: «Женатый, смотри, женатый». Тем не менее женитьба не помешала учебе. Дочь Столыпина приводила семейное предание о том, как Столыпин сдавал выпускной экзамен профессору Д.И. Менделееву: «великий ученый так увлекся, слушая блестящие ответы моего отца, что стал задавать ему вопросы все дальше и дальше; вопросы, о которых не читали в университете, а над решением которых работали ученые. Мой отец, учившийся и читавший по естественным предметам со страстью, отвечал на все так, что экзамен стал переходить в нечто похожее на ученый диспут, когда профессор вдруг остановился, схватился за голову и сказал: “Боже мой, что же это я? Ну, довольно, пять, пять, великолепно» [1].

После окончания университета Столыпин прослужил несколько лет в столице, а потом отправился в Ковенскую губернию, где был сначала уездным, а затем губернским предводителем дворянства. В 1902 г. он был назначен губернатором соседней Гродненской губернии. Не прошло и года, как он был вызван министром внутренних дел В.К. Плеве, предложившим ему пост саратовского губернатора. Столыпину не хотелось уезжать далеко от родственников, и он попросил министра оставить его на прежнем месте. Потом он сам с уважением вспоминал урок, преподанный ему Плеве: «Меня ваши личные и семейные обстоятельства не интересуют, и они не могут быть приняты во внимание, я считаю вас подходящим для такой трудной губернии и ожидаю от вас каких-либо деловых соображений, но не взвешивания семейных интересов».

ВОЙНА С ТЕРРОРОМ

Саратовская губерния не случайно считалась «трудной». Здесь малоземельное крестьянство с возмущением смотрело на богатейшие помещичьи латифундии, а в портовых волжских городах шло глухое брожение рабочих. Все это усугубилось неудачной Русско-японской войной 1904–1905 гг. Столыпин знакомился с губернией, много разъезжал по отдаленным уездам. По его письмам жене (он писал ей чуть ли не каждый день) можно получить представле-

ние о том, как быстро происходит переход от полной тишины к бунту. В июне 1904 г. через губернию проезжал царский поезд. Столыпин сообщал о горячих монархических чувствах: «Народ стоял на несколько верст по пути и кричал «ура», а Государь у окна кланялся» [2]. Губернатор велел одному из волостных старшин самому сочинить речь, и тот сказал по-крестьянски просто: «не тужи, Царь-батюшка, мы все за Тебя». Дама, которой Николай II пожал руку, надела перчатку, чтобы как можно дольше не мыть руку, ошастливленную прикосновением государя.

Прошел год, «маленькая победоносная война» обернулась неудачей, и Саратовская губерния оказалась охваченной крестьянскими волнениями, которые заставляли вспомнить пушкинские строки о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном». Губернатор метался от одной бунтующей деревни к другой. Тон его писем резко меняется. «Дела идут плохо, — сообщал он супруге. — Сплошной мятеж в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими, почти раздетыми помещиками. На такое громадное пространство губернии войск мало, и они прибывают медленно. Пугачевщина!» [2].

Усилия саратовского губернатора по водворению спокойствия были оценены Николаем II. В апреле 1906 г. Столыпин был вызван в Петербург и назначен министром внутренних дел. «Оля, бесценное мое сокровище, — сообщал он жене. — Вчера судьба моя решилась! Я министр внутренних дел в стране *окровавленной, потрясенной*, представляющей из себя шестую часть шара, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет» [2]. Всего через два с половиной месяца П.А. Столыпин в возрасте 44 лет был назначен председателем Совета Министров, сохранив за собой пост министра внутренних дел. Подобной карьеры в России еще никто не делал: самый молодой губернатор, самый молодой министр, самый молодой глава правительства. Правда, следует заметить, что в то время желающих занять такие высокие должности было немного. Два предшественника Столыпина (министры внутренних дел В.К. Плеве и Д.С. Сипягин) стали жертвами террористических актов. На третьего — П.Н. Дурново покушались, но по ошибке убили постороннего человека, схожего с ним обличья, а князь П.Д. Святополк-Мирский, как говорили, получив отставку, пил шампанское на радостях, что живым уходит из министров.

П.А. Столыпин сразу же стал главным объектом охоты для террористов. Корреспондент газеты «Трибьюн», взявший интервью у премьер-министра, описывал его летнюю резиденцию: «Скромная дача, окруженная громадным садом, невинно ютится на

берегу прекрасной Невы, на Аптекарском острове, и за исключением нескольких рослых городских, стоявших по одному снаружи сада и против входной двери в дачу, ничто не напоминало о том, что в этом доме живет человек, жизнь которого ни одно страховое общество не согласилось бы застраховать¹. Меньше чем через три недели эта скромная дача на Аптекарском острове стала арендой самого кровавого террористического акта в истории дореволюционной России. Трое боевиков из группы эсеров-максималистов, переодетые жандармами, вошли в приемную, а когда их остановили у дверей кабинета, крикнули «Да здравствует революция!» и бросили на пол портфели со взрывчаткой. Тройной взрыв унес жизни 29 человек, в основном просителей, среди которых были женщины с детьми. Террористов-смертников разорвало в клочья. Была масса раненых. Сам Столыпин остался невредим, отделавшись несколькими царапинами, а вот его дочь Наталья получила тяжелые раны.

После этого террористического акта Николай II распорядился временно предоставить премьер-министру Зимний дворец, где его семья могла жить в безопасности. Они жили там под усиленной охраной словно в тюрьме. Дети сразу же возненавидели два закрытых сада для прогулок и называли их «большая Сибирь» и «малая Сибирь». Семья терялась в бесконечных сумрачных анфиладах дворца. «Грустный и жуткий вид являли эти залы, освещенные каждый одной лишь дежурной лампочкой» [1], — вспоминала юная Мария Столыпина. Ее отец вынужден был дышать свежим воздухом на крыше дворца.

Все эти предосторожности были оправданы, так как после неудачного покушения максималистов за дело взялась Боевая организация партии эсеров, имевшая в своем активе убийство великого князя Сергея Александровича и ряд других дерзких терактов. Однако ни Боевой организации, ни Центральному летучему боевому отряду эсеров не удалось подобраться к первому министру. Революция постепенно шла на спад, в немалой степени благодаря энергичным мерам, предпринятым правительством.

Вскоре после взрыва на Аптекарском острове было утверждено «Положение о военно-полевых судах», согласно которому из ведения обычных судебных инстанций изымались дела гражданских лиц, совершивших преступные деяния, «настолько очевидные, что нет надобности в их расследовании». На рассмотрение таких дел отводилось не более 48 часов, приговор, как правило, оказывался смертным и при-

водился в исполнение в течение 24 часов. «Столыпинские качели» и «столыпинские галстуки» — так прозвали виселицы и петли. П.А. Столыпин считал репрессии вынужденной мерой. Он подчеркивал: «Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада» [3]. По официальным данным, с августа 1906 г. по апрель 1907 г. военно-полевые суды приговорили к смерти 683 человека. По подсчетам историков репрессии имели гораздо больший размах. Наивысшая цифра, приводимая в исторической литературе, — 5086 казненных и погибших в уличных боях. За это же время, по правительственным данным, 5946 должностных лиц пали от рук революционеров. Таков был кровавый баланс тех революционных лет.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА

Петр Столыпин никогда не вошел бы в историю, будь он только душителем революции. Возглавляя министерство внутренних дел, он лучше других понимал, что репрессии дадут лишь кратковременный эффект. «Реформы во время революции необходимы, — писал он, — так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину; залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления» [4]. Прежде всего было необходимо лишить врагов самодержавия поддержки со стороны крестьянства, страдавшего от малоземелья. После отмены крепостного права в 1861 г. примерно половина земель осталась за помещиками, другая половина отошла крестьянам. Однако крестьянское население быстро росло. Если в конце XIX в. размер среднего душевого надела составлял 3,5 десятины на душу, то к 1905 г. эта цифра составляла всего 2,6 десятины, что едва обеспечивало пропитание. Неудивительно, что лозунги революционных партий, предлагавших конфискацию помещичьих владений, вызывали живейший отклик в крестьянской среде.

Столыпинскую аграрную реформу нередко называли «вторым освобождением крестьян». Дело в том, что после освобождения от крепостной зависимости русские крестьяне не получили землю в частную собственность. Земля принадлежала сельской общине, или «миру». В общине существовала круговая порука и взаимовыручка, и выработанный веками уклад жизни являлся своего рода социальной защитой. Если глава семьи умирал, община поддерживала его семью. Когда общинник строил дом, ему всем

¹ Товарищ. 1906, 8 августа.

«миром» оказывали «помочь». За недоимку бедняка отвечала вся деревня.

Оборотной стороной общинных порядков было принижение индивидуальной личности перед сельским «миром». Община поддерживала искусственное равенство. Внутри нее нельзя было полностью разориться, но столь же нелегко было разбогатеть. Наделы распределялись по числу мужских душ в семье, причем таким образом, чтобы каждому общиннику доставалось поровну хорошей и плохой земли. В некоторых местах погоня за равенством приводила к абсурду. Крестьянский надел оказывался раздробленным на множество полосок, разбросанных на большом расстоянии. В Ярославской губернии встречались наделы, разделенные на 120 полосок. Более того, в общине сохранялось периодическое перераспределение земель. Через несколько лет наделы возвращались в общий котел и делились заново. При этом тщательно смотрели, чтобы новый надел оказался в другом поле.

В начале XX в. сельская община являлась анахронизмом, сковывавшим личную инициативу. Систематические переделы напрочь подрывали стимулы для улучшения плодородия почвы и использования агротехники. Типичной была жалоба одного крестьянина, высказанная во время обследования хозяйств Смоленской губернии: «Я или другой старательный хозяин на свои паи положил, как следует, навоза, и хлеб стал родиться. Смотришь, передел земель, досталась опять неудобренная полоса. В покосах то же самое. Пovyрезал кочки, порасчистил, вывел кое-как щетину, а как передел — опять вперли куда-нибудь в болота...» [5].

Об этом же писали специалисты по аграрному вопросу, например, Дмитрий Аркадьевич Столыпин, который доказывал, что община является главным препятствием для увеличения продуктивности сельского хозяйства. Наверняка П.А. Столыпин был знаком с трудами своего двоюродного дяди. Собственные наблюдения приводили его к такому же выводу, особенно когда он сравнивал хозяйства русских общинников и немецких грессбауэров. Колноберже, любимое имение Столыпиных, находилось в Литве, куда удобнее было добираться через территорию Германии. Дочь Столыпина вспоминала, что «он всегда много рассказывал о своих впечатлениях, возвращаясь из такой поездки «за границу», восхищаясь устройством немецких хуторян, и с интересом изучал все то, что считал полезным привить у нас» [1].

Будучи саратовским губернатором, П.А. Столыпин подчеркивал во всеподданнейших докладах политическую целесообразность предоставления общинни-

кам права частной собственности на землю: «мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве» [6]. П.А. Столыпин не был единственным государственным деятелем, осознававшим пагубность уравнилельных общинных порядков. До него об этом же толковал министр финансов С.Ю. Витте. Но даже он отступился от этой мысли и говорил: «Сомневаюсь в том, чтобы нашелся человек, который решился бы произвести необходимый для экономического подъема переход от общинного владения к подворному» [7].

Однако такой человек нашелся. Преодолев сопротивление высших сановников, видевших в общине залог порядка в деревне, П.А. Столыпин настоял на аграрной реформе. Указ 9 ноября 1906 г. предоставил крестьянам право выхода из общины и укрепления земельного надела в частную собственность. Надел выделялся одним массивом — отрубом. При желании отрубник мог полностью разорвать с общиной и перенести свое хозяйство на хутор.

Выступая в стенах III Государственной думы, П.А. Столыпин в сжатой форме изложил главную задачу аграрной реформы, впоследствии названной его именем: «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личною земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы». Многочисленные критики реформы утверждали, что правительство отдало общину на поток и разграбление кулакам. П.А. Столыпин всегда отвергал подобные обвинения. В этом смысле показательна его переписка с писателем Львом Толстым, давним другом его отца, с которым они вместе воевали в Севастополе и сохранили дружбу на всю жизнь. Столыпина-старшего уже не было в живых, когда Лев Толстой обратился с письмом к сыну старого друга по поводу начатой им реформы. Писатель считал грехом частную собственность на землю: «Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею». Он заклинал первого министра не вступать на путь злых дел. П.А. Столыпин нашел время ответить не сухим и официальным письмом, а искренним и проникновенным посланием: «Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий — вероятно на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину...» [8].

П.А. Столыпин был твердо уверен, что частная собственность и отказ от уравнилельных порядков принесут процветание. Говоря о реформе, он про-

изнес ставшие крылатыми слова, что, проводя закон 9 ноября 1906 г., правительство «делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных». Таких крепких и сильных на первых порах оказалось около полумиллиона, а за весь период реформы правом выхода из общины воспользовалось немногим более двух миллионов крестьянских хозяйств. Большинство сельского населения, сохранившее верность общине, проявляли откровенную враждебность к отрубникам и хуторянам. Сказывалась та самая страсть русского человека «всех уравнивать, всех привести к одному уровню», на которую сетовал Столыпин еще в Саратовской губернии. Община неохотно отпускала своих членов. Один хуторянин в сердцах подсчитывал, сколько водки ему пришлось поставить упрямым односельчанам: «Когда просил о выходе — 1/4 ведра, при составлении приговора — 1/2 ведра, домой пришли — 1/4 ведра, пошли землю обмерять — 1/2 ведра, к земскому начальнику пришли — 1/2 ведра» [9]. Но, отпустив крестьянина, община не спускала с него завистливых глаз. Хутора «новых помещиков» жгли, посеиы травили, скот калечили.

Несмотря на препятствия, хуторская реформа набирала силу. Хуторяне по-новому смотрели на свое хозяйство. Как образно пояснил один из них, «мы как новоженцы, с земелькой-то законным браком повенчались. В деревне-то она была гулящая девка, а теперь она твоя законная жена на веки вечные. Худа ли она, хороша, а никто уж, кроме тебя, к ней не полезет» [10].

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Составной частью столыпинской аграрной реформы была переселенческая политика. Парадокс заключался в том, что русские крестьяне страдали от малоземелья в огромной малонаселенной империи, а власти всячески сдерживали их переселение. Самые смелые уходили за Каменный пояс на свой страх и риск. «Многие даже не знали, куда направлялись: шли на «Мамур-реку», на «Китайский клин», в «беловодье» [11]. Таких самовольных переселенцев нередко отлавливали где-нибудь на Алтае или на Амуре и по этапу водворяли на прежнее место жительства. Долгое время правительство противилось заселению Сибири. Может показаться невероятным, что в 1896 г. Министерство земледелия и государственных имуществ подсчитало, что во всей Сибири пригодных для заселения земель имеется всего-навсего для 1200 крестьянских семей. Петербургские чиновники понятия не имели о сибирской жизни. На картах Сибири многие места выглядели безлюдной пустыней, но впоследствии там, к всеобщему изумлению, обнаруживались вполне обустроенные деревни [12].

П.А. Столыпин коренным образом изменил прежнюю политику. Критики премьера утверждали, что единственной целью переселения являлось удаление в Сибирь неблагонадежных элементов, согласно поговорке «дальше едешь — тише будешь!» Нельзя не согласиться с тем, что правительство старалось смягчить социальное напряжение в Европейской части России. Но не менее важным было освоение Сибири и Дальнего Востока, который граничил с густонаселенным Китаем. «Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию» [3], — подчеркивал П.А. Столыпин.

Задумавшим переселиться в новые края прощали недоимки, нарезали бесплатные земельные наделы из казенных или кабинетских земель, давали денежные пособия на первоначальное обустройство, перевозили по железной дороге по льготному тарифу. С тех пор вошло в обиход словечко «столыпин» — так называли товарные вагоны, переделанные для перевозки людей. В 30-х гг. «столыпины» прочно ассоциировались с арестантскими вагонами. Но при П.А. Столыпине в этих теплушках ехали люди, мечтавшие о вольной жизни на сибирских просторах. Переселенческое управление едва справлялось с наплывом переселенцев. Один из чиновников управления впоследствии писал: «В то время не говорили «догнать и перегнать Америку», но масштабы и темпы колонизационной работы пришлось взять рекордно-американские... Переселенческое управление занималось всем: проводило дороги, торговало молотилками, строило больницы, копало колодцы, корчевало и осушало, сооружало церкви, посылало в глушь — крестить и хоронить — разъездные причты...» [13].

В советскую эпоху эту огромную работу предавали забвению. В этом смысле показательны воспоминания историка В.Г. Тюкавкина, занимавшегося столыпинской аграрной реформой. Молодым исследователем, проштудировав ленинские работы о «грабительской» столыпинской реформе, он приступил к изучению архивных фондов, и внезапно перед ним открылась совсем иная картина. «Но настоящим открытием оказались поездки в те села, которые были созданы в начале XX в. Их жители, старики, запомнили хорошего гораздо больше, чем недостатков» [14]. Историк рассказывал, что местные жители и сейчас пользуются теми дорогами, которые были построены при Столыпине, а если бы их не было, то им нельзя было бы никуда проехать.

Конечно, жизнь переселенцев была нелегкой. Газета «Сибирь» откровенно писала об этом: «Каж-

дый клочок пахотной земли полит потом и кровью переселенцев, каждое обнаженное и осушенное болотце отмечено новыми крестами на поселковых кладбищах. Смертность и заболеваемость среди переселенцев очень высоки. Тайга за каждую пядь земли требует жертв»². Не все выдерживали тяготы сурового климата. За десять лет в Сибирь переселились 1,3 млн человек, из них полмиллиона не сумели приспособиться и были вынуждены вернуться в Европейскую Россию. Но те, кто остался, не пожалели. Современники отмечали: «Сибирь перерождает человека. Исторически забитый и пугливый русский крестьянин высоко поднимает голову, едва лишь выйдя на простор степей или леса, и, не стесненный в возможности, строит он свою жизнь на новых местах, забывая рутину России» [15].

В 1910 г. Столыпин и министр земледелия А.В. Кривошеин посетили четыре губернии Западной Сибири. Премьер-министра принимали с царскими почестями. Всем запомнилась его высокая, величественная фигура, а один из сопровождавших вспоминал, как во время поездки на пароходе по Иртышу первый министр читал наизусть стихи Лермонтова и рассказывал, как он безмерно гордится родством с поэтом. П.А. Столыпин докладывал царю: «Сибирь растет сказочно: в безводных степях (Кулундинская), которые два года назад признавались негодными для заселения, в несколько последних месяцев выросли не только поселки, но почти города. И прорывающийся из России в Сибирь смешанный поток богатых и бедных, сильных и слабых, зарегистрированных и самовольных переселенцев — в общем, чудный и сильный колонизационный элемент» [16].

Премьер-министр вернулся из поездки окрыленным. Он полагал, что после успешного ввода в сельскохозяйственный оборот сибирских земель у России не окажется достойных соперников на мировом рынке: «Вне Европы главнейшими поставщиками хлеба, кроме России, являются Соединенные Штаты. Но они сильно сокращают свой вывоз — так быстро растет там внутреннее потребление... Лет через 5–10, по подсчетам самих американцев, они и вовсе, пожалуй, перестанут вывозить хлеб. Другой крупный наш конкурент — Аргентина также начинает испытывать затруднения в дальнейшем развитии земледелия и хлебного вывоза. Там нет такого запаса нетронутых плугом земель, как в Сибири» [17].

В 1906–1914 гг. в Сибирь переехали 3 млн 772 тыс. крестьян, из которых вернулись около 529,9 тыс. Нетрудно подсчитать, что в Сибири

осталось 82,6% переселенцев. Сравнивая со знаменитой эпопеей освоения целины при советской власти, нельзя не отметить, что в 50-х гг. XX в. в Казахстане закрепилось только 5% добровольцев. Как писал один автор, «Трудно спорить с фактами: 90 процентов закрепляемых при Столыпине и 5 процентов при недавнем освоении целины — цифры совершенно несопоставимые...» [18]. За счет переселенцев население Сибири выросло вдвое, а площадь возделываемых земель увеличилась в несколько раз.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

П.А. Столыпин имел далекоидущие планы, но для их реализации нужно было время. Совсем немного по историческим меркам, но его уже не было. Вечером 1 сентября 1911 г., когда премьер-министр и другие сановники присутствовали на парадном спектакле в Киевском городском театре, к П.А. Столыпину быстрым шагом подошел молодой человек в черном фраке. Никем не задержанный, он выхватил из кармана браунинг. Раздались два выстрела. По словам киевского губернатора Гирса, «Петр Аркадьевич как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны под грудной клеткой уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: «Все кончено». Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: «Счастлив умереть за царя» [19].

Смертельно раненый П.А. Столыпин прожил еще четыре дня. Его сердце перестало биться в 10 часов 12 минут вечера 5 сентября 1911 г. Схваченный на месте преступления террорист оказался Дмитрием Богровым, евреем по национальности, сыном преуспевающего дельца, коммунистом-анархистом и, как вскоре выяснилось, платным агентом охранного отделения. Последнее обстоятельство породило массу вопросов. Долгие годы за первым министром безуспешно охотились террористы, но не даром он говорил: «Вот увидите, меня убьют чины охраны». Сразу появилась версия, что главу правительства убрали противники реформ, опасавшиеся серьезных перемен. Официальное следствие пришло к выводу, что Богров был убийцей-одиночкой, действовавшим на свой страх и риск. Надо ли говорить, что официальная версия была подвергнута сомнению. Убийство П.А. Сто-

² Сибирь. 1912, 3 августа.

лыпина до сих пор остается загадкой. Никто не может сказать наверняка, было ли это покушение террориста-одиночки или тщательно подготовленный заговор против главы правительства.

Так или иначе Россия не получила мирной передышки, на которую надеялся выдающийся реформатор. Спустя двадцать лет, если вести отчет от интервью П.А. Столыпина, когда он уверенно обещал: «Вы не узнаете нынешней России», как раз началась сплошная коллективизация, частные собственники были раскулачены, а община возродилась в форме

колхозов. А ведь после отмены крепостного права российское правительство имело даже не двадцать, а вдвое больше времени на коренные экономические реформы, которые так торопился провести П.А. Столыпин. Аграрная реформа и поощрение переселения на новые земли могли разрядить социальное напряжение внутри страны и предотвратить революционные потрясения. Увы, это время было растрчено еще до П.А. Столыпина. Главный вывод, который следует усвоить, — реформы нельзя откладывать, иначе может быть поздно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Нью-Йорк; 1953.
2. Столыпин П.А. Переписка. Москва; 2007.
3. Столыпин П.А. «Нам нужна великая Россия». Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. Москва; 1991.
4. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Ленинград; 1984.
5. Чернышев И. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. Санкт-Петербург; 1911.
6. Всеподданнейший отчет саратовского губернатора П.А. Столыпина за 1904 г. В кн.: П.А. Столыпин. Грани таланта политика. Москва; 2006.
7. Из дневника А.А. Половцева (1895–1900). Красный архив. 1931. Т. 3(46).
8. Толстой Л.Н. Юбилейный сборник. Москва; Ленинград; 1928.
9. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Москва; 1963.
10. Семенов С.Т. Крестьянское переустройство. Три статьи. Москва; 1915.
11. Крестьянское переселение и русская колонизация за Уралом. Петроград: Издание Переселенческого Управления Главного Управления Землеустройства и Земледелия; 1914.
12. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Санкт-Петербург; 1892.
13. Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. Санкт-Петербург; 1999.
14. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. Москва; 2001.
15. Вошинин В.П. На сибирском просторе. Картины переселения. Санкт-Петербург; 1912.
16. Письмо П.А. Столыпина Николаю II от 26 сентября 1910 г. Красный архив. 1928. Т. 5(30).
17. Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. Санкт-Петербург; 1911.
18. Казарезов В.В. О Петре Аркадьевиче Столыпине. Москва; 1991.
19. Гирс А.Ф. Смерть Столыпина. Из воспоминаний бывшего киевского губернатора. 1862–1911. Париж; 1927.

REFERENCES

1. Bok M.P. Memoirs of my father P.A. Stolypin. N.Y.; 1953. (In Russ.).
2. Stolypin P.A. Correspondence. Moscow; 2007. (In Russ.).
3. Stolypin P.A. «We need a great Russia.» The complete collection of speeches in the State Duma and the State Council. 1906–1911. Moscow; 1991. (In Russ.).
4. The crisis of autocracy in Russia. 1895–1917. Leningrad; 1984. (In Russ.).
5. Chernyshev I. Peasants about the community on the eve of November 9, 1906, St. Petersburg; 1911. (In Russ.).
6. The most comprehensive report of Saratov Governor P.A. Stolypin for 1904. (In Russ.). In: P.A. Stolypin. The facets of a politician's talent. Moscow; 2006. (In Russ.).
7. From the diary of A.A. Polovtsev (1895–1900). The Red Archive. 1931. Vol.3(46). (In Russ.).
8. Tolstoy L.N. Jubilee collection. Moscow; Leningrad; 1928. (In Russ.).
9. Dubrovsky S.M. Stolypin land reform. Moscow; 1963. (In Russ.).
10. Semenov S.T. Peasant reconstruction. Three articles. Moscow; 1915. (In Russ.).
11. Peasant resettlement and Russian colonization beyond the Urals. Petrograd'; 1914. (In Russ.).
12. Yadrintsev N.M. Siberia as a colony. St. Petersburg; 1892. (In Russ.).
13. Tkhorzhevsky I.I. The Last Petersburg. The Chamberlain's memoirs. St. Petersburg; 1999. (In Russ.).

14. Tyukavkin V.G. The Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform. Moscow; 2001. (In Russ.).
15. Voshchinin V.P. In the Siberian expanse. Pictures of resettlement. St. Petersburg; 1912. (In Russ.).
16. Letter from P.A. Stolypin to Nicholas II dated September 26, 1910. The Red Archive. 1928. Vol.5(30). (In Russ.).
17. A trip to Siberia and the Volga region. Note by P.A. Stolypin and A.V. Krivoshein. St. Petersburg; 1911. (In Russ.).
18. Kazarezov V.V. About Pyotr Arkadyevich Stolypin. Moscow; 1991. (In Russ.).
19. Girs A.F. Stolypin's Death. From the memoirs of the former Kiev governor. 1862-1911. Paris; 1927. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сергей Александрович Степанов — доктор исторических наук, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Sergey A. Stepanov — Dr. Sci. (Hist.), Prof. of the Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-4682-0445>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

Stepanov-sa@rudn.ru

Марина Николаевна Мосейкина — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Marina N. Moseykina — Dr. Sci. (Hist.), Prof. of the Department of History of Russia, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-9279-4079>

moseykina-mrnk@rudn.ru

Екатерина Александровна Иванова — кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Ekaterina A. Ivanova — Cand. Sci. (Pol.), Assoc. Prof.; Assoc. Prof. of the Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7350-6123>

ivanova_eka@rudn.ru

Заявленный вклад авторов:

С.А. Степанов — руководство исследованием, методология, редакция итоговой статьи.

М.Н. Мосейкина — разработка концепции, интерпретация данных, подготовка итоговой статьи.

Е.А. Иванова — методика сбора данных, сбор и интерпретация данных, подготовка текста.

Authors' contributions:

S.A. Stepanov — research management, methodology, redaction of the final article.

M.N. Moseykina — concept development, interpretation of data, preparation of the final article.

E.A. Ivanova — data mining and its interpretation, text preparation.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.11.2025; после рецензирования 12.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 10.11.2025; revised on 12.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.